

Шосткин А. П. Магистерский диспут: [Глаголев Д. С., свящ. Второе великое путешествие св. апостола Павла с проповедью Евангелия (Деян. 15, 40—18, 22): Опыт историко-экзегетического исследования. Тула, 1893] // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 10. С. 138—152 (2-я пагин.).

МАГИСТЕРСКИЙ ДИСПУТЪ.

Заканчивая учебный свой годъ, Московская духовная академія имѣла утѣшеніе еще разъ убѣдиться въ томъ, что выпускаемые ею питомцы уходятъ изъ нея съ серьезно-научнымъ направленіемъ, съ полною готовностію работать на ученомъ поприщѣ при малѣйшей къ тому возможности и съ достаточнымъ навыкомъ къ такимъ работамъ. Мы разумѣемъ два магистерскихъ диспута (коллоквиума), которые состоялись въ стѣнахъ академіи на одной изъ послѣднихъ недѣль учебнаго 18⁹²/₉₃ года.

Скажемъ пока о первомъ изъ нихъ.

Онъ происходилъ въ воскресенье, 23 мая, въ шесть часовъ вечера, въ академическомъ актовомъ залѣ. Въ качествѣ магистранта выступилъ инспекторъ-законоучитель Тульского епархіальнаго женскаго училища священникъ Д. С. Глаголевъ, защищавшій диссертацию подъ заглавіемъ: „Второе великое путешествіе св. ап. Павла съ проповѣдью Евангелія. (Деян. XV, 40—XVIII, 22). Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія“ (стр. I—III—336+XII. Тула, 1893).—Какъ выяснилось изъ обычнаго біографическаго очерка, прочитаннаго секретаремъ академіи предъ началомъ диспута, Д. С. Глаголевъ — сынъ протоіерея г. Крапивны, Тульской губерніи. По окончаніи курса въ Тульской духовной семинаріи въ 1884 г., онъ былъ посланъ семинарскимъ начальствомъ въ Московскую духовную академію, откуда вышелъ въ 1884 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній. Послѣ трехлѣтней преподавательской службы въ духовныхъ семинаріяхъ, Пермской и

Владимірской, онъ перешелъ на должность инспектора и законоучителя Тульскаго епархіальнаго женскаго училища и, состоя на этой должности, въ 1892 г. принялъ санъ священника.

По прочтеніи этого *curriculum vitae*, магистрантъ произнесъ небольшую рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе слушателей прежде всего на благовременность и важность появленія у насъ научныхъ изслѣдованій о жизни и трудахъ ап. Павла. По его словамъ, печальнымъ явленіемъ въ церковной жизни должно быть названо то, что даже въ образованномъ обществѣ нашемъ найдется очень мало лицъ, знающихъ жизнь ап. Павла, и еще менѣе—понимающихъ его творенія. „Въ нашихъ церквахъ,—говорилъ ораторъ,—чуть не ежедневно читаются зачала изъ посланій ап. Павла, но количество разумѣющихъ эти чтенія ничтожно. Всего же прискорбнѣе, что русскій человѣкъ совершенно какъ-бы свыкся съ этимъ: для него церковное чтеніе Павловыхъ посланій представляетъ обыкновенно не урокъ вѣры и жизни христіанской, а чисто-механической актъ, лишенный высокаго назидательнаго значенія. И вотъ, св. евангеліе и посланія ап. Павла, стояція въ самой тѣсной связи по самому существу ихъ, оказываются у насъ въ дѣйствительности раздѣленными: между тѣмъ какъ евангеліе внимательно слушаютъ и читаютъ, даже *отчасти* изслѣдуютъ, писанія св. Павла — этотъ ближайшій комментарий къ евангелію — оставляютъ безъ всякаго вниманія, и ихъ не только не вѣдаютъ, но и разума въ нихъ не нудятся свѣдѣти“. Замѣтивъ мимоходомъ, что крайній вредъ такого неестественнаго раздѣленія обнаружился со всею очевидностію на томъ извращенномъ пониманіи евангелія, какое встрѣчаемъ у гр. Л. Толстаго, вздумавшаго толковать евангеліе безъ руководства апостольскаго комментарія, о. Глаголевъ выставилъ далѣе на видъ крайнюю скудость нашей литературы по вопросу о жизни и трудахъ великаго апостола языковъ; при этомъ высказалъ пожеланіе, чтобы „въ возможно близкомъ будущемъ появились въ православной Руси жизнеописаніе ап. Павла и толкованія его посланій, написанныя въ строго-научной, а также и въ популярной формѣ, чуждыя тѣхъ недостатковъ, которые православный изслѣдователь находитъ въ трудахъ даже выдающихся за-

падныхъ ученыхъ“. Собственныя его авторскія притязанія не идутъ далѣе того, чтобы дать сколько-нибудь цѣнный матеріалъ дальнѣйшимъ русскимъ труженикамъ, имѣющимъ поработать надъ указанными сейчасъ темами; — и книга его представляетъ особаго рода комментарий на Дѣян. XV—XVIII, 22, написанный въ виду той именно цѣли чтобы изобразить самый замѣчательный періодъ въ жизни ап. Павла. Этою-то главною цѣлью сочиненія объясняются нѣкоторыя особенности его, — напр. то, что по мѣстамъ краткія выраженія Дѣяписателя комментируются на прострѣчкѣ десяти и болѣе страницъ.—Заключая рѣчь свою магистрантъ добавилъ, что онъ отлично сознаетъ недостатки своего труда, но при этомъ признаніи утѣшаетъ себя мыслию что апостоль радовался, когда проповѣдывали Христа даже „не чисто“ (Филип. I, 16—19), онъ же (авторъ) проповѣдывалъ ученіе св. Павла, слѣдовательно и Христа, „съ самымъ добрымъ расположеніемъ“.

Послѣ рѣчи магистранта начались ученые пренія. Оффиціальными оппонентами были: о. инспекторъ академіи архимандритъ Григорій и доцентъ (теперь ординарный профессоръ) по кафедрѣ Св. Писанія Новаго Заветѣ М. Д. Муретовъ. — Изъ нихъ первый началъ рѣчь свою заявленіемъ что чтеніе книги магистранта доставило ему *часы* высокихъ духовныхъ наслажденій и лишь *минуты* разочарованій Затѣмъ, уподобивъ историко-эксегетическій трудъ о. Глаголева мозаиковой картинѣ, онъ предъявилъ къ нему двѣ требованія: во-первыхъ, чтобы всѣ отдѣльныя единичныя факты, какъ различные камни въ мозаикѣ, были тщательно обследованы, критически провѣрены и правильно изложены во-вторыхъ, чтобы общая композиція ихъ, подобно той же картинѣ, заключала въ себѣ какую-нибудь высшую объединяющую идею. Вотъ этому-то послѣднему требованію, — требованію основчюй идеи, которая проникала бы все сочиненіе отъ начала до конца, — трудъ о. Глаголева, на взглядѣ оппонента, не удовлетворяетъ. Такою идеею прежде всего и естественнѣе всего долженъ бы быть образъ самого ап. Павла, какъ благовѣстника. Но въ книгѣ магистранта, при подробныхъ разсужденіяхъ и о томъ, какая фигура былъ у ап. Павла, и о способѣ его передвиженія (ишкомъ ли на ослахъ ли), и о томъ ремеслѣ, какимъ онъ добывалъ

себѣ пропитаніе, — при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ нельзя найти цѣлостнаго образа великаго Павла именно какъ благовѣстника, любвеобильнѣйшаго, самоотверженнаго, неустаннаго, разрушающаго безъ меча цѣлыя цивилизаціи. Начертанію такого цѣлостнаго образа Павлова не могло препятствовать то обстоятельство, что въ книгѣ описывается лишь нѣсколько лѣтъ жизни апостола. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ объ ап. Павлѣ, что онъ „подобенъ небу: гдѣ бы ни стали смотрѣть на небо, въ Аѳинахъ ли, въ Коринѣ ли, въ Іѳесѣ ли, вездѣ оно одинаково, — ясно въ ясный день и пасмурно въ дождливый; такъ и Павелъ, — онъ всегда одинъ и тотъ же“. И слѣдовательно, описать надлежащимъ образомъ даже три только года Павловой жизни значило бы описать всего Павла. — Въ отвѣтъ на это замѣчаніе оппонента магистрантъ поставилъ вопросъ: „можно ли найти такой цѣлостный образъ ап. Павла—благовѣстника у самого Іоанна Златоуста?“ Къ этому онъ прибавилъ еще, что по мѣстамъ въ книгѣ его имѣется весьма не мало замѣтокъ, характеризующихъ ап. Павла, что у него выбрапы и приведены почти все Златоустовы характеристики апостола, но что выдѣлять особо общую характеристику великаго благовѣстника ему было неудобно по самой задачѣ труда, представляющаго собою послѣдовательный комментарий нѣсколькихъ главъ книги Дѣяній Апостольскихъ.

Не согласившись съ магистрантомъ, чтобы его книга была дѣйствительно комментариемъ на нѣсколько главъ Дѣяній Апостольскихъ, — не согласившись на томъ основаніи, что въ ней сравнительно очень мало филологическихъ, археологическихъ, географическихъ и т. под. разъясненій, какими обыкновенно бываютъ наполнены библейскіе комментарии (напр. лучшій изъ нихъ—Мейера), гораздо же больше въ ней обще-богословскихъ и историческихъ разсужденій, — оппонентъ не призналъ удачными и нѣкоторыя его попытки схарактеризовать ап. Павла. Такъ напр., на стр. 10—11 онъ выражаетъ мысль, что ап. Павелъ перѣдко испытывалъ „тяжелое чувство одиночества“; а между тѣмъ извѣстно, что люди занятые и неспранные, какимъ безъ сомнѣнія былъ ап. Павелъ, *непрестанно* заботившійся о всѣхъ церквахъ и молившійся о нихъ, не знаютъ и не боятся тоски отъ одиночества: эта тоска — удѣлъ только празднаго натуръ.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 144) онъ полагаетъ, что ап. Павелъ дорожилъ языческимъ общественнымъ мнѣніемъ. Наконецъ, ему кажется даже, что ап. Павелъ питалъ къ своей родинѣ (Тарсу, полному всякаго нечестія) какую-то безотчетную любовь просто потому, что „и дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ“; тогда какъ святой человѣкъ знаетъ только *одно* отечество и *одно* рожденіе. Словомъ,—приписывать апостолу отмѣченныя сейчасъ качества и чувства значить, по мнѣнію оппонента, не понимать духовности Павлова міровоззрѣнія и высоты его настроенія.—На это магистрантъ возразилъ, что великій апостолъ былъ все-таки *человѣкомъ* (какъ и Златоустъ сказалъ о немъ: „хотя и Павелъ, все-таки человѣкъ“), что отрицать въ немъ человѣческихъ чувствъ отнюдь нельзя и что это открывается изъ его же собственныхъ посланій: въ нихъ напр. перѣдко, жалуясь на то, что его всѣ почти оставили, апостолъ просить Тимофея и другихъ придти къ нему скорѣе (2 Тим. IV, 9—11 и др.).

Возвращаясь снова къ первому своему возраженію относительно недостатка въ сочиненіи магистранта общей основной идеи и развивая эту мысль далѣе, о. инспекторъ замѣтилъ, что самое заглавіе сочиненія подсказывало автору еще другую идею, которая также должна бы быть проведена и раскрыта въ его изслѣдованіи. Это именно идея великаго переворота, произведеннаго проповѣдію ап. Павла въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Какъ трудъ по исторіи насажденія христіанства, книга о. Глаголева, по мнѣнію оппонента, должна была показать: какъ совершилась эта перемѣна, какъ пало языческое міровоззрѣніе и какъ утвердилось христіанское. Между тѣмъ, самое описаніе наличности языческаго духовнаго содержанія, съ которымъ боролся ап. Павелъ, магистрантъ признаетъ дѣломъ стороннимъ для своей задачи. Если же и дѣлаетъ все-таки попытки описать языческіе Афины, Коринтъ, Фессалоники и др., то въ этихъ описаніяхъ его, основанныхъ не на первоисточникахъ, всѣ языческіе города съ ихъ кукльми оказываются совершенно похожими другъ на друга.—Отвѣчая на это, магистрантъ опять настойчиво подтвердилъ, что книга его—не историческая монографія, а собственно комментарий. Что же касается сходства въ его описаніи

язычества Аѳинскаго, Коринѳскаго и т. д., то оно естественно могло получиться оттого, что сущность классическаго язычества какъ діаметральной противоположности христіанству, строго говоря, вездѣ одна и таже. Разницу можно замѣтить въ какихъ-нибудь частныхъ деталяхъ, но это для его задачи не имѣло особеннаго значенія.

Въ то время какъ магистрантъ и оппонентъ оживленно диспутировали по этимъ вопросамъ, въ академическій залъ на коллоквиумъ вошелъ преосвященный Пикаиоръ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій. Встрѣченный обычнымъ церковнымъ ибсноибніемъ, архинастырь преподаль свое благословеніе присутствовавшимъ и затѣмъ обратился къ собранію съ привѣтвенною рѣчью. Въ ней онъ выразилъ свое уваженіе къ труженикамъ науки, не знающимъ отдыха и продолжающимъ заниматься учеными вопросами даже тогда, когда вся природа цвѣтетъ и ликуетъ и когда всѣ предаются праздничному отдыху. Въ заключеніе же своего привѣтствія онъ просилъ Московскую духовную академію приять въ лицѣ его низкій поклонъ отъ дочери ея -- Казанской духовной академіи¹⁾. Сказавъ это краткое, но полное сердечности, привѣтствіе, владыка занялъ предсѣдательское мѣсто, и коллоквиумъ продолжался далѣе.

О. архимандритъ Григорій началъ дѣлать замѣчанія по нѣкоторымъ частнымъ пунктамъ изслѣдованія магистранта.

Такъ, прежде всего онъ не согласился съ тѣмъ его положеніемъ, что началомъ и исходнымъ пунктомъ втораго путешествія ап. Павла должно считать Антіохію. По заявленію оппонента, плащъ первой части этого путешествія былъ данъ апостолу еще въ Іерусалимѣ. Такъ-же неосновательною напелъ онъ мысль магистранта, что ап. Павлу нужны были спутники отчасти затѣмъ, чтобы ухаживать за нимъ во время болѣзни. Ни въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, ни въ Посланїяхъ св. Павла, по словамъ оппонента, нельзя подыскать ни одной цитаты въ пользу этой мысли.

Оспаривая далѣе то положеніе магистранта, будто бы мы

¹⁾ Преосвященный Пикаиоръ, предъ назначеніемъ своимъ въ Архангельскъ, былъ епископомъ Чебоксарскимъ (викаріемъ Казанскимъ) и Московскую дух. академію посѣтилъ именно по пути изъ Казанской епархіи къ мѣсту настоящаго своего служенія.

совсѣмъ не видимъ примѣровъ браковъ евреевъ на язычникахъ“, оппонентъ напомнилъ общезвѣстные факты библейской исторіи, какъ напр.: Иаковъ женился на Лии, Иосифъ — на Асенеѣ (дочери жреца), Моисей—на Сепфорѣ мадіанитянкѣ, Соломонъ—на дочери Фараона, и др. под.

Рядъ своихъ замѣчаній о. инспекторъ заключилъ повтореніемъ того-же лестнаго для магистранта заявленія, какое онъ высказалъ въ началѣ ихъ,—именно, что при чтеніи книги о. Глаголева онъ получилъ *часы* наслажденій и только *минуты* разочарованій.

Второй официальный оппонентъ—М. Д. Муретовъ—поставилъ въ особенную заслугу магистранту, что онъ для объясненія и описанія втораго путешествія ап. Павла (Дѣян. XV, 40—XVIII, 22) широко воспользовался стоящими въ прямой или отдаленной связи съ избраннымъ отдѣломъ книги Дѣяній посланіями апостола къ Галатамъ, Филиппійцамъ, Солунянамъ, Коринтянамъ. Въ этой особенноти труда магистранта онъ призналъ главное достоинство его; но здѣсь же оказался и источникъ главныхъ его недостатковъ. Не опредѣливъ напередъ съ совершенною ясностію задачу, границы и способъ надлежащаго пользованія посланіями ап. Павла, легко было растеряться въ массѣ представившагося здѣсь матеріала и изъ-за него позабыть иногда собственно историческое повѣствованіе книги Дѣяній Апостольскихъ. Такъ это и случилось. Вотъ наглядный примѣръ: въ Дѣян. XVI, 6 сдѣлана краткая замѣтка, что ап. Павелъ съ своими спутниками проходилъ черезъ Фригію и Галатійскую страну. По поводу этой замѣтки изъ двухъ-трехъ словъ у магистранта написана цѣлая глава, въ которой обслѣдуются все вопросы по неагогикѣ посланія къ Галатамъ: народность галатовъ, исторія галатійской провинціи, характеръ народа, религія его и пр. и пр. Мало того. Въ IV гл. 13—14 ст. посланія къ Галатамъ апостоль говоритъ, что онъ въ немощи плоти благовѣствовалъ имъ въ первый разъ. И вотъ въ книгѣ магистранта является подробная трактация по совершенно частному вопросу: что это была за „немощь плоти“? Сближеніе съ этою немощью плоти „пакостника плоти“ 2 Кор. XII, 7 дастъ ему поводъ со всею подробностію изложить и разобрать различныя толкованія этого труднаго мѣста. Точно

такъ же въ отдѣлѣ о Коринтской дѣятельности ап. Павла магистрантъ, кромѣ исагогическихъ вопросовъ о характерѣ и бытѣ коринтянъ, подробно обсуждаетъ такіе частные вопросы, какъ напр. о дарахъ духовныхъ, особенно о дарѣ языковъ,—къ чему онять-таки поводъ былъ данъ не текстомъ Дѣяній Апостольскихъ, а текстомъ перваго посланія къ Коринтянамъ. Это—съ одной стороны. Съ другой же стороны: если судить о проповѣди ап. Павла среди галатовъ и коринтянъ по его посланіямъ къ нимъ, то въ книгѣ магистранта совершенно необъяснимыми являются нѣкоторые существенные пропуски при изложеніи этой проповѣди. Такъ, изъ посланія къ Галатамъ у него опущено ближайшее раскрытіе отношенія закона и вѣры, а изъ перваго посланія къ Коринтянамъ о воскресеніи мертвыхъ, объ идоложертвенныхъ мясахъ, опущено также все почти второе посланіе къ Коринтянамъ. Однимъ словомъ, слѣдовало бы магистранту по возможности точнѣе опредѣлить границы и задачи пользованія содержаніемъ апостольскихъ посланій; при недостаткѣ же такого твердо-установленнаго руководящаго принципа книга его въ значительной мѣрѣ получаетъ характеръ сборника отрывочныхъ и случайныхъ примѣчаній, хотя и очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи, но не имѣющихъ цѣльности и единства.—Отвѣчая на это, магистрантъ старался выяснить, чѣмъ руководствовался онъ, когда по поводу нѣкоторыхъ краткихъ выраженій Дѣписателя пускался въ болѣе или менѣе пространныя разсужденія, къ какимъ повидимому самый текстъ не давалъ прямого вызова. Онъ сказалъ: „*estъ стихъ и стихъ*“, т. е.: одинъ стихъ священнаго текста можетъ быть сравнительно болѣе многословнымъ и все-таки требовать для себя самаго краткаго комментарія, другой же стихъ, состоя изъ двухъ-трехъ выраженій, можетъ нуждаться въ болѣе пространныхъ разъясненіяхъ. Хотя относительно галатійской страны въ указанномъ мѣстѣ Дѣяній Апостольскихъ (XVI, 6) сказано всего лишь два слова, но онъ считалъ себя обязаннымъ войти въ нѣкоторыя подробности объ этой странѣ по одному уже тому, что здѣсь была основана апостоломъ церковь и сюда онъ писалъ даже особое посланіе. Тоже самое относительно Коринтоа: здѣсь также была основана церковь и также сюда были писаны посла-

нія. Ознаменованные такими дѣяніями апостола города и мѣстности, конечно, слишкомъ важны, чтобы относительно ихъ ограничиться немногими краткими замѣтками.

Изъ частныхъ пунктовъ изслѣдованія магистранта проф. Муретовъ подвергъ наиболѣе подробному и обстоятельному обсужденію вопросъ о „пакостникѣ плоти“ (*σκόλοψ τῆς σαρκίς*), данномъ апостолу Павлу (2 Кор. XII, 1—10). Замѣтивъ предварительно, что этотъ крайне-трудный и запутанный вопросъ самъ магистрантъ изучилъ, повидимому, всестороннѣе и тщательнѣе другихъ предметовъ (см. стр. 81—99), оппонентъ однако-жъ нашелъ въ его рѣшеніи нѣкоторыя существенныя промахи и не призналъ его правильнымъ.

Во-первыхъ, онъ отмѣтилъ у магистранта неполноту въ перечисленіи мнѣній о пакостникѣ плоти: говоря о тѣхъ, которые разумѣютъ здѣсь болѣзнь глазъ, эпилепсію, гоненія и муки отъ враговъ, онъ умолчалъ почему-то о подагрѣ, о болѣзни желудка и о постоянныхъ терзаніяхъ апостола за прежнее преслѣдованіе христіанъ и пролітіе невинной крови. Это послѣднее мнѣніе особенно интересно. „Подобно тому, какъ нѣніе нѣтѣха каждый разъ вызывало у ап. Петра слезы покаянія, такъ, — говорятъ нѣкоторые, — мучительныя воспоминанія о невинной крови неотступно преслѣдовали ап. Павла“. Если не по основательности, то по своей оригинальности такое мнѣніе заслуживало бы упоминанія и разсмотрѣнія.

Во-вторыхъ, онъ указалъ на слѣдующее обстоятельство: магистрантъ называетъ толкованіе пакостника плоти въ смыслѣ разженія блуда и половыхъ вожделѣній „господствующимъ въ латинской церкви“ и приписываетъ такое толкованіе блаж. Иерониму и Августину (стр. 84—85). Это не совсѣмъ правильно. Въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время никакъ нельзя назвать это толкованіе господствующимъ въ латинской церкви, ибо въ комментаріѣ на свѣц. Писаніе, издаваемомъ обществомъ ученыхъ іезуитовъ, и въ частности — въ комментаріѣ Корнели на 2 посл. къ Коринтоянамъ, указанное толкованіе рѣшительно отвергается, принимается же какъ болѣе основательное (*probabilior*) толкованіе въ смыслѣ „болѣзни и вообще слабости плоти“, безъ ближайшаго обозначенія рода болѣзни. Тотъ же самый Корнели хорошо при этомъ разъясняетъ, что ни у Иеронима, ни у Августина

нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы они подъ *σκόλοψ τῆ σαρκί* разумѣли половыя разженія. Изъ древнихъ одинъ, кажется, только Григорій Великій рѣшительно держался такого толкованія. Но то правда, что средневѣковыми западными богословами оно предпочиталось всѣмъ другимъ толкованіямъ.

Въ-третьихъ, что касается толкованія „накостника плоти“, принятаго самимъ магистрантомъ, именно въ смыслѣ противниковъ христіанства и враговъ апостола, препятствовавшихъ дѣлу апостольскаго благовѣствованія, — то, конечно, оно имѣетъ за себя авторитеты св. I. Златоуста, I. Дамаскина, Оеодорита, Икуменія, Оеофилакта; но это есть только личное экзегетическое мнѣніе отцовъ, отнюдь не имѣющее догматическаго значенія, ибо св. Василій Великій, Григорій Назіанзинъ и др. держатся иныхъ толкованій. Къ тому же, — апостоль, говоря о своемъ накостникѣ плоти, разумѣетъ нѣчто такое, что должно было служить ограниченіемъ и противовѣсомъ его возможной гордости чрезвычайностію откровеній и избыткомъ духовныхъ даровъ. Такимъ противовѣсомъ и ограниченіемъ муки отъ враговъ не могли служить: самъ апостоль тутъ же непосредственно ранѣе (2 Кор. XI гл. съ 21 ст. и дал.) не обинуясь ставилъ эти муки въ похвалу себѣ, а никакъ не въ униженіе. Наконецъ, если *σκόλοψ τῆ σαρκί* оставить въ связь съ Гал. IV, 14 и видѣть тутъ нѣчто такое, что могло быть нѣкимъ *искушеніемъ во плоти* апостола и чѣмъ галаты могли возгнушаться, то спрашивается опять: какимъ образомъ муки за проповѣдь могли бы производить на галатовъ такое впечатлѣніе? Если бы апостоль прибылъ къ нимъ израненнымъ и измученнымъ за имя Христово, это служило бы только доказательствомъ искренности и силы убѣжденія апостола, — возвышало бы его въ глазахъ галатовъ. Добавокъ къ этому, — ни изъ Дѣяній, ни изъ Посланій неизвѣстно, чтобы предъ первымъ посѣщеніемъ Галатіи ап. Павелъ подвергался преслѣдованіямъ и мученіямъ отъ враговъ своихъ.

Въ 4-хъ, апостоль говоритъ о чемъ-то, что *δано* (*ἐδόθη*) *ἐμου* (*μοι*), и именно его плоти, постоянно пребываетъ и дѣйствуетъ во плоти до днесь, т. е. до написанія посланія (паст. сосл. *κολαφίση*), хотя дано въ прошедшемъ (аористъ,

на что обращаетъ вниманіе Икуменій): по это все неприложимо ко временнымъ и вѣшнимъ только дѣйствіямъ со стороны враговъ апостола. При томъ же, апостоль говоритъ о чемъ-то такомъ, что дано *ему* лично. Между тѣмъ, въ 1 Кор. IV, 9 и сл., равно какъ и во 2 Кор. IV, 7 дал. и VI, 4 дал. апостоль языковъ разсматриваетъ гоненія и муки отъ враговъ какъ явленія, *общія* для *всѣхъ* апостоловъ, и какъ нераздѣльно связанныя со служеніемъ апостольскимъ.

Въ 5-хъ, дѣйствія „накостника плоти“ были столь удручающы, что апостоль рѣшался *трижды* молитвенно просить Бога объ освобожденіи отъ этого ангела сатаны. Могъ ли, — спрашивается, — ап. Павелъ молить Бога о томъ, чтобы Онъ освободилъ его отъ преслѣдованій враговъ? Естественна ли такая молитва для всякаго вообще миссіонера, а не только для благовѣстника-апостола, особенно для ап. Павла, гордившагося язвами тѣлесными за имя Христова?!

6) Возраженія, выставленныя магистрантомъ противъ мнѣнія, что ап. Павелъ разумѣлъ подъ „накостникомъ плоти“ какой-то тѣлесный и постоянный свой недугъ, затруднявшій и безъ того тяжкое дѣло апостольскаго его служенія, оппонентъ призналъ слабыми. Для истоваго и искренняго религіознаго чувства нѣтъ ничего блазнительнаго предполагать, что ап. Павелъ, какъ и великій праведникъ Іовъ, могъ (въ цѣляхъ предохраненія отъ гордости) быть искушаемъ посредствомъ страданій плоти. Ничего также соблазнительнаго нѣтъ и въ предположеніи, что это была первая болѣзнь. Конечно, опредѣлять „накостника плоти“ какъ именно *первую* болѣзнь — въ текстѣ нѣтъ основаній; но для религіозно-правственнаго чувства это — предметъ безразличный, а не нечестивый и не оскорбительный, какъ казалось бы магистранту (стр. 89, 95).

7) Обращаясь далѣе къ филологин, оппонентъ нашелъ, что и она болѣе благопріятствуетъ толкованію „накостника плоти“ именно въ смыслѣ какой-то болѣзни апостола, нежели толкованію магистранта. Магистрантъ опредѣляетъ *σκόλοψ* какъ острый инструментъ, употреблявшійся хирургами и ремесленниками (скальпель). Но это, — по словамъ оппонента, слишкомъ специальное значеніе и рѣдкое; къ

тому же, не естественно думать, что въ Коринтскіе христіане были знакомы съ этимъ инструментомъ какъ хирурги или столяры. У лексикологическихъ авторитетовъ *σχόλον* имѣетъ такое значеніе: заостренный предметъ вообще (преимущественно дерево заостренное), колъ, полсадь, тыпъ, ость, терновая спица, игла на растеніяхъ, шпиль. У LXX *σχόλον* имѣетъ тоже значеніе: терновая колючка, тыпъ, — а переносно: препятствіе, предметъ возбуждающій боль, служащій препятствіемъ, и под. Подтвердивъ свои положенія многими примѣрами, оппонентъ заключилъ, что на языкѣ Библии или, что тоже, на языкѣ ап. Павла, какъ и у греческихъ авторитетовъ филологическихъ (Гезихій, Свида и др.), *σχόλον* могъ означать не хирургическій или столярный или другой какой инструментъ, но въ переносномъ смыслѣ могъ быть только символомъ тѣлесныхъ страданій, и именно *болѣзней*.

8) Къ тому же заключенію приводитъ оппонента и филологическій разборъ выраженія: *ἵνα με κολασίῃσι*. По греческимъ лексикологамъ, не-аттическія слова: *κόλασος* и *κολασίζεσθαι*—равнозначительны аттическимъ: *κόρυθος* и *κορυθίζεσθαι*, и означаютъ именно ударъ кулакомъ, такъ что магистрантъ въ своемъ возраженіи противъ Гаусрата (на стр. 90) оказывается неправымъ. И такъ какъ дѣйствіе, выражаемое глаголомъ *κολασίζεσθαι*, есть оскорбительное и унижительное для того, кто подвергается ему, то въ переносномъ смыслѣ глаголь очевидно долженъ указывать здѣсь на униженіе, которое представляло бы противовѣсь превозношенію апостола чрезвычайностію откровеній. А развѣ побой и вообще муки отъ враговъ могли какимъ-ниб. образомъ припнжать апостола, служить противовѣсомъ его превозношенію, когда онъ поставлялъ ихъ въ похвалу себѣ? Напротивъ того, постоянный и мучительный недугъ, давая всегда апостолу знать о слабости его плоти и зависимости отъ Божьей помощи, могъ служить именно такимъ противовѣсомъ превозношенію его духовными дарами и особенно откровеніями.

9) Контекстъ рѣчи также не *противъ*, а *за* такое толкованіе. Стихъ 9: „и потому я годаздо охотнѣе буду хвалиться своими *невозмоами*, чтобы обитала во мнѣ сила Христова“ есть собственно заключеніе къ рѣчи апостола объ откровеніяхъ и пакостникѣхъ плоти; а въ 10-мъ стихѣ

обобщается уже весь вообще отдѣлъ о страданіяхъ, соединенныхъ съ апостольскимъ служеніемъ (XI гл. 23 ст. и дал.) и составлявшихъ предметъ похвалы для апостола, но отнюдь не принижавшихъ его.

10) Указавъ далѣе на поразительное совпаденіе въ терминахъ разсматриваемаго мѣста съ началомъ книги Іова, оппонентъ находилъ, что такое совпаденіе приводитъ къ мысли, что, сходственно съ Іовомъ, и ап. Павелъ былъ преданъ страданіямъ плоти отъ діавола. Что же касается той мысли, что болѣзнь является перѣдко однимъ изъ дѣйствій сатаны на человѣка, то она дается какъ общепиблейскимъ ученіемъ, такъ въ частности Лук. XIII, 11—16; Іоан. VIII, 44; Евр. II, 14.

11) Въ заключеніе своихъ доводовъ, оппонентъ снова напомнилъ, что именно *болѣзнь* подъ „пакостникомъ плоти“ разумѣютъ и нѣкоторые св. отцы: св. Василій Великій (Reg. fus. tract. 55, 4), св. Григорій Назіанзинъ (Or. 43, 52) и блаж. Августинъ (or. in. Psal. 98 et 130).

Опредѣлить точно и описать подробно самый родъ болѣзни ап. Павла въ настоящее время очень трудно. Поэтому слишкомъ далеко заходить и ненаучно поступаютъ тѣ, кои рѣшаются настаивать на болѣзни глазъ, подагрѣ, или даже эпилепсіи. Но, по свидѣтельству св. І. Златоуста (на 2 Кор. бес. 26), повторяемому Икуменіемъ и Осеофилактомъ, въ древности существовало мнѣніе, а быть можетъ и темное преданіе, что это была *κεφαλαλγία* — какія-то головныя страданія. Удручая апостола, эти страданія служили ему противовѣсомъ возможнаго превозношенія чрезвычайностію откровеній, постоянно напоминая ему, что онъ носитъ небесное сокровище въ глиняномъ сосудѣ, что всѣмъ и всецѣло онъ обязанъ обитавшей въ немъ силѣ Христовой, а не своей силѣ, — что онъ силенъ тогда, когда немощенъ, ибо сила Божія въ немощи совершается. Почему именно это, а не другое какое-либо, средство назначено было для возгрѣванія въ апостолѣ языковъ чувства смиренія и зависности отъ воли Божіей, — этого мы не знаемъ и знать не можемъ. Но мы должны вѣрить, — заключилъ оппонентъ, — что это было единственно плѣсообразное средство для удержанія апостола отъ превозношенія чрезвычайностію откровеній и избыткомъ даровъ духовныхъ.

Послѣ еще немногихъ частныхъ замѣчаній заключая свою рѣчь, проф. Муретовъ высказалъ, что захваченная магистрантомъ область изслѣдованія такъ разностороння и обширна, что и самый добросовѣстный труженникъ, рѣшившійся работать въ ней, заранѣе долженъ обречь себя на различныя промахи, недосмотры и погрѣшности. Въ трудѣ магистранта ихъ не такъ еще много и они все съ избыткомъ покрываются достоинствами его. Не перечисляя этихъ достоинствъ въ подробности (такъ какъ они своевременно были указаны въ официальномъ отзывѣ), профессоръ выставилъ на видъ одно изъ нихъ, именно: трудъ о. Глаголева есть по преимуществу богословски-экзегетическій, а не географически-археологическій.

Послѣ этого, въ качествѣ неофициальнаго оппонента, сдѣлавъ замѣчаніе магистранту о. Ректоръ академіи—архимандритъ Антоній. Поводъ къ его замѣчанію былъ данъ вступительною рѣчью передъ диспутомъ. Въ ней магистрантъ, характеризуя русскую литературу, относящуюся къ предмету его изслѣдованія, отозвался о трудахъ пресвященнаго Оеофана по истолкованію посланій ап. Павла такъ, какъ будто-бы въ нихъ не находилось ничего новаго сравнительно съ Златоустомъ и другими св. отцами. Опровергая эту мысль, о. Ректоръ указалъ примѣры того, что пресв. Оеофанъ расходится перѣдко съ Златоустомъ въ пониманіи ап. Павла и склоняется къ иному толкованію на основаніи школьно-богословскихъ воззрѣній. Напротивъ, иногда разрозненныя экзегетическія изреченія отцевъ сливаются въ одну стройную идею, преимущественно аскетическаго характера. Толкованія пресв. Оеофана не пассивно сложенные катены, но развитіе стройнаго богословскаго и религіознаго міросозерцанія.

Такая постановка библейскаго экзегезиса, объединяющая школьныя приемы толкованія съ глубоко-правдивнымъ чисто-святоотеческимъ проникновеніемъ въ самый духъ Свящ. Писаній, конечно, наиболѣе правильна и желательна для нашей науки. Видя примѣръ такой постановки и въ книгѣ о. Глаголева, напр. въ изъясненіи рѣчи ап. Павла въ Лоплскомъ Ареопагѣ, онъ и считъ долгомъ высказать ему по этому поводу свое удовольствіе.

Магистрантъ съ благодарностію принялъ это послѣднее

заявленіе и только попросилъ о. Ректора не понимать его отзыва о трудахъ преосв. Ософана въ такомъ смыслѣ, какъ будто онъ не придастъ вѣсѣ имъ никакого значенія при имѣющихся у насъ свято-отеческихъ комментаріяхъ. Напротивъ, онъ и самъ высоко цѣнитъ эти почтенные труды; въ рѣчи же своей онъ говорилъ лишь о тѣхъ отдѣлахъ толкованій преосв. Ософана, какіе имѣютъ прямое отношеніе къ предмету его диссертации.

По окончаніи вѣсѣхъ ученыхъ реній, о. Ректоръ приступилъ къ собиранію голосовъ отъ членовъ Совѣта и затѣмъ объявилъ во-всеуслышаніе, что защита диссертации признана Совѣтомъ удовлетворительною и потому установленнымъ порядкомъ послѣдуетъ обычное ходатайство объ утвержденіи магистранта въ степени магистра богословія.

Послѣ этого преосвященный Пиканоръ опять обратился съ рѣчью къ ученому собранію, въ которой выразилъ ему свою благодарность за то удовольствіе, какое получалъ онъ отъ диспута. Особенно пріятно, говорилъ онъ, было ему видѣть, съ какою терпимостію и уваженіемъ ученые труженики относятся ко взглядамъ и мнѣніямъ, даже нераздѣлимымъ имн. У вѣсѣхъ этихъ тружениковъ руки развязаны, ибо „всѣ дороги ведутъ въ Римъ“ и всѣ методы научнаго богословія приводятъ къ Богу.—Въ заключеніе, онъ высказалъ пожеланіе, чтобы Московская духовная академія, давшая въ послѣднее время капитальныя изслѣдованія о *третьемъ* и *второмъ* благовѣстническихъ путешествіяхъ ап. Павла¹⁾, представила подобное же изслѣдованіе и о *пертомъ* его путешествіи.

Окончивъ рѣчь свою, владыка благословилъ виновника ученаго торжества—магистранта и вѣсѣхъ наставниковъ академіи, которыхъ представлялъ ему о. Ректоръ. Затѣмъ, преподавъ общее благословеніе присутствовавшимъ, онъ оставилъ актовъ залъ и отцравился въ покои о. Ректора, напутствуемый пѣніемъ обычныхъ молитвенныхъ благожеланій.

А. III.

¹⁾ Изслѣдованіе о *третьемъ* путешествіи ап. Павла съ проповѣдію Евангелія принадлежитъ о. инспектору Москов. дух. академіи архимандриту Григорію. Въ качествѣ магистерской диссертации оно разсматривалось и защищалось въ августѣ минувшаго 1892 года.